

«Вечерняя Москва», г. Москва
1963, 16 сентября

**Решения
Пленума
ЦК КПСС —
В ЖИЗНЬ!**

ЧТО РАДУЕТ И ЧТО ТРЕВОЖИТ...

ПОЖАЛУИ, ни один сезон последних лет не анонсировался столичными театрами так широко и подробно, как нынешний. И это вполне понятно. Рассказывая о своих планах, задумках, начинаниях, сценические коллективы стараются хотя бы пока так, в самой предварительной форме ответить на ту критику, которая прозвучала в их адрес в дни последних встреч руководителей партии и правительства с представителями нашей художественной интеллигенции, с трибуны июньского Пленума Центрального Комитета партии, хотят познакомить миллионы зрителей со своими поисками.

Скажем сразу: в этих планах и анонсах немало интересного. И вместе с тем планы эти вызывают серьезную тревогу. Но о том, что конкретно рождает эту тревогу, несколько ниже. А пока отмечу, что правильно, на мой взгляд, поступают те театры, которые обращаются к лучшим творениям советской драматической классики. Нет

нужды пространно комментировать включение в репертуар Московского Художественного театра «Бронепоезда 14-69» Вс. Иванова и «Платона Кречета» А. Корнейчука, Малого театра — «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского и новой редакции корнейчуковской же комедии «В степях Украины». Однако, воскликнув: все это очень хорошо! — позволю себе все же сделать два замечания.

Все эти пьесы, бесспорно, составили в жизни советского театра вехи примечательные. Но для того, чтобы и сегодня на их основе родились яркие, впечатляющие спектакли, необходимо найти в каждой из них то, что делает ее насущно нужной нынешнему дню жизни народа, суметь взглянуть на ее содержание и образы поистине очами свежими, зоркими, остро проникновенными.

Требование это и элементарно, и общеизвестно. Однако именно в силу забвения его и не прозвучали в наши дни треневская «Любовь Яровая» на сцене Малого театра, погодинский «Мой друг» на сцене Центрального театра Советской Армии и некоторые другие постановки советских классических пьес.

Это замечание первое. А теперь второе. Не следует ли всем нам более серьезно подумать о значительном расширении круга пьес, относимых к советской классике и представляющих живой интерес для зрителей сегодня? Верно, на мой взгляд, поступает ряд театров на периферии, ставя «Гибель эскадры» А. Корнейчука, «Нашествие» Л. Леонова, «Огненный мост» Б. Ромашова...

А теперь о том, что вызывает не только радость, но и тревогу. Об инсценировках, занимающих в анонсах московских театров место более чем значительное.

Вот лишь несколько названий.

Театр имени А. С. Пушкина работает над воплощением второй книги романа М. Шолохова «Поднятая целина». Об инсценировке другого шолоховского романа — «Они сражались за Родину» — заявил Театр имени Вахтангова. В репертуарных планах МХАТа — инсценировки романов Д. Гранина «Иду на грозу», повестей А. Чакковского «Свет далекой звезды» и Ч. Айтматова «Тополек мой в красной косынке» (последнее название, кстати, анонсировано и Малым театром).

Театра имени Моссавета — «На диком берегу» Б. Полевому...

Что же, ни одно из этих названий не вызывает возражения. Более того, вся московская критика недавно дружно поддержала спектакль ростовчан «Поднятая целина», и автор этих строк сделал это одним из первых. И более того, не раз критикуя тот или иной театр за дань мелкотемью, приходилось обращать внимание коллективов на талантливые произведения прозы. Но как хорошо в свое время сказал Маяковский: «Раз международное, два международное, а нельзя же до бесчувствия!»

До бесчувствия, при котором театры забывают о главной своей творческой задаче — воплощать новые талантливые современные советские пьесы. А об этих пьесах в анонсах театров говорится весьма и весьма прикрасительно и уклончиво.

Неверно и нетерпимо, что бы инсценировка вытесняла с нашей сцены пьесу. Как не напомнить в этой связи предостережение Вл. И. Немировича-Данченко: «Перенос романа на сценические подмостки — дело для всякого театра рискованное и только в исключительных случаях заслуживающее одобрение».

В исключительных! Ибо огромно различие между видением и изображением мира и человека в формах прозаических и видением и изображением его в формах драматических. Даже при всей

СНОВА О РЕПЕРТУАРЕ МОСКОВСКИХ ТЕАТРОВ

несомненности успеха ростовчан, из инсценировки «Поднятой целины», сделанной П. Деминим вдумчиво и бережно, все же невольно и неизбежно ушло очень и очень многое, пленяющее нас в шолоховском романе. А главное — это и есть тот исключительный случай, о котором говорил Немирович-Данченко. Не случайно же инсценировки и ниллинской повести «Через кладбище» у вахтанговцев, и карелинской повести «Микрорайон» в Театре драмы и комедии, и рассказа Э. Казакевича «При свете дня» у ермоловцев не стали значительными событиями конца прошлого театрального сезона.

Надо подчеркнуть резко и решительно, что пополнение театрального репертуара за счет инсценирования произведений прозы (не создания оригинальных пьес на основе прозаических произведений самими их авторами, как в свое время был написан «Бронепоезд 14-69» Вс. Ивановым) людьми, далекими от самостоятельного художественного творчества, — путь не самый лучший и не самый плодотворный.

Заблуждаются, на мой взгляд, некоторые наши театры, отдавая много сил и труда преодолению сопротивления материала произведений прозаических, никак не желающих укладываться в формы драматические, но отказывающиеся при этом от работы с драматургами, от работы над совершенствованием их пьес, возможно, и не свободных от недостатков, но написанных со знанием жизни, с талантом, с гражданским пафосом.

Уже не раз приходилось писать о таких пьесах, как «Где-то совсем рядом» В. Лаврентьева, «Хозяева жизни» Ю. Чепурина, «Одержимая» («Поклонитесь Глаше!») Н. Шундика. Чепуринская пьеса уже мно-

го времени с успехом идет в Ярославле. Элистинский русский театр поставил драму Лаврентьева. Московские же театры все еще не хотят слышать в отношении этих пьес печать равнодушия и незаинтересованности.

Иногда приходится слышать, что пьесы эти недостаточно сценичны. Но о какой сценичности идет речь? О чисто внешней, когда опытный драматург-ремесленник точно рассчитывает, в каком месте вызовет он у зрителя смех, в каком исторгнет слезы (подобной сценичностью названные пьесы, возможно, и не особенно богаты), или внутренней, отражающей драматические и комические коллизии реальной действительности? Нет ли в этих ссылках на пресловутую сценичность путаницы между понятиями мастерство и ремесло?

Но не только к трем этим пьесам равнодушны столичные театры, а и к некоторым другим. Автор «Беспокойной старости» Л. Рахманов опубликовал в журнале «Звезда» новую пьесу «Камень, кинутый в тихий пруд», пьесу, написанную тонко, вдумчиво, посвященную теме единства поколений советских людей. Но что-то не слышно о ее постановке в каком-либо из московских театров.

Тамбовский театр имени Луначарского создал боевой публицистический спектакль, поставив пьесу Н. Громова и Ю. Грачевского «Посторонним вход разрешен» («Красные повязки») — и опять ни один из московских театров не за-

интересовался этим произведением. А ведь авторы его в живой, увлекательной форме утверждают мысль о недопустимости равнодушия к человеку в социалистическом обществе.

С успехом во время гастролей Ростовского театра имени М. Горького в Москве была показана и драма А. Софронова «Берегите живых сыновей». Без малого год назад появилась эта пьеса. За это время она увидела свет рамы в ряде городов, только не в Москве... Полно, в сценичности ли здесь дело?! Не действует ли сила инерции, связанной с пережитками групповщины?

Да, бесспорно, те энергичные меры, которые предприняты самими театрами и органами, призванными направлять деятельность сценических коллективов, по очищению репертуара дают свои положительные результаты. Но изгнать из репертуара мелкотемье, идеологическую макулатуру — это еще только начало работы по созданию спектаклей масштабных, достойных современности. Такие спектакли могут родиться прежде всего и преимущественно на основе современных советских пьес глубокого жизненного содержания, крупных общественных идей, истинной художественности. Такие пьесы вне содружества театра с драматургом, без активной заинтересованной позиции сценического коллектива не рождаются.

Юр. ЗУБКОВ,
главный редактор журнала
«Театральная жизнь».